

Фольклоризм творчества И. И. Башмакова (Ивана Ваненко): интерпретация сказочных сюжетов

Вячеслав Алексеевич Поздеев
Константин Андреевич Усатов

(Вятский государственный университет:
Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36)

Аннотация. В статье рассмотрено своеобразие сказочной «народной литературы» середины XIX в. в контексте «третьей культуры». И. И. Башмакова можно отнести к писателям из народа или представителям массовой культуры, что несомненно отразилось на его интерпретации народной сказки. Вопрос о фольклоризме И. И. Башмакова как писателя из народа в исследовательской литературе до сих пор специально не рассматривался. Проблема эта только обозначена в некоторых работах, и то в самом общем теоретическом плане.

Целью работы было выявление специфики и особенности интерпретации И. И. Башмаковым сюжетов сказок, в частности, сюжета «Горе», а также использования им других фольклорных элементов.

В 1863 г. И. И. Башмаков опубликовал «Серое горе. Предание, рассказанное Иваном Ваненко. В трех частях». Сюжет является своеобразным переложением сюжета АА*735 I «Горе», а также «вставного» сюжета сказки о бесе и мужике. Одним из элементов фольклоризма творчества И. И. Башмакова (Ивана Ваненко) является обращение автора к фольклорным жанрам: преданиям, сказкам, «росказням», использование их сюжетно-композиционного построения, изображение героев в контексте народной балагурной традиции, поэтому его произведения можно отнести к «третьей культуре».

Ключевые слова: «третья культура», литературная сказка, И. И. Башмаков (Иван Ваненко), сюжет АА*735 I «Горе».

Дата поступления статьи: 28 мая 2020 г.

Дата публикации: 25 сентября 2020 г.

Для цитирования: Поздеев В. А., Усатов К. А. Фольклоризм творчества И. И. Башмакова (Ивана Ваненко): интерпретация сказочных сюжетов // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 3. С. 73–83.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.006>

«Сочинительство» в городской и даже крестьянской среде в конце XVIII — первой половине XIX в. стало достаточно заметным явлением. Для удовлетворения спроса на литературу для невзыскательного читателя в этот период появляется целый ряд писателей, которые сочиняли книги-переделки, используя сюжеты известных авторов, могли создавать про-

изведения в жанрах, знакомых и близких простому народу, например, сказки, предания, легенды. Такая литература издавалась значительными тиражами на дешевой серой бумаге, поэтому и получила название «серобумажная». Произведения этой литературы многие восприняли из фольклора. К проблемам фольклоризма массовой литературы XVIII — первой по-

ловины XIX в. обращался в связи с проблемами смеха и комизма В. Я. Пропп [Пропп 1997]. В работах Ю. М. Лотмана рассматривались общекультурные проблемы массовой литературы [Лотман 1997], а в работах К. Е. Кореповой [Корепова 2012], Е. А. Костюхина [Костюхин 1994], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 1994] на новом современном уровне были раскрыты аспекты взаимодействия фольклора и литературы.

В. А. Поздеев и Чжан Хун предложили термин «писатели из народа», который, по их мнению, наиболее аккуратно определил творчество писателей — выходцев из мещанства, городских низов [Поздеев, Чжан 2017]. Эти писатели в произведениях использовали свои знания и наблюдения: о народных бытовых реалиях, об обрядах и верованиях. Также они опирались на опубликованные книжные фольклорно-этнографические материалы XVIII — первой половины XIX в. Авторы своеобразно приспособивали, трансформировали этнографический и фольклорный материалы, который, по их мнению, должен был создавать «народный колорит». Чаще всего воплощение фольклорной реальности и ее преобразование в различных произведениях происходит на формальном уровне. Такие книги читатель принимал за «подлинный фольклор», писатель казался ему носителем фольклорного сознания, однако это являлось только подражанием, фольклорные элементы были заимствованы не всегда из «первых рук». Конечно, нельзя отрицать, что некоторые писатели знали подлинные народные сказки, легенды, предания, песни, но было и знание этих произведений по сборникам и другим печатным источникам. Основной их чертой является использование традиционной народной культуры, которой свойственны приметы условно реальной жизни. Главные герои этих книг вызывают ассоциации с жизнью простого народа. Поэтому под пером писателей из народа возникают так называемые псевдофольклорные произведения, которые, на наш взгляд, связаны с некой идеализацией народной жизни, традиционного быта, фольклора.

К писателям из народа или представителям массовой литературы XIX в. можно отнести Ивана Ивановича Башмакова (псевдоним — Иван Ваненко). Пока его биография недостаточно восстановлена. Известно, что он числился мещанином,

служил приказчиком московского книгопродавца Логинова, работал в Басманной школе, давал частные уроки [Лазарева 1989, 189]. Фольклоризм творчества И. И. Башмакова проявился в переделках русских и украинских сказок, например, «Сказки русские» (1838); «Звездочка. Разные сочинения», 2 части (1842); «Тысяча и одна минута. Собрание русских сказок», 4 части. (1843); «Народные русские сказки и побасенки для детей меньшего возраста», 2 части (1847 и 1849); «Серое горе. Предание, рассказанное Иваном Ваненко», 3 части (1863); «Нянины сказки, рассказываемые детям первого возраста», 3 части (1863). Часто писатель использует балагурный жанр «россказней». Особой популярностью пользовались «русские россказни» «О солдате Яшке, красной рубашке, синие ластовицы»: до 1848 г. эта сказка выдержала пять изданий.

В. Г. Белинский не обходил вниманием литературные факты, которые на первый взгляд не могли иметь принципиального значения в литературном процессе. В статьях и обзорах современной литературы В. Г. Белинский давал критические оценки произведениям различных жанров, разных уровней художественности. Еще в рецензии 1838 г. В. Г. Белинский писал: «Сказки гг. Ваненко и Бронницына принадлежат к неудачным попыткам подделаться под народную фантазию. Основы их сказок, по большей части, взяты из подлинных русских сказок, отнюдь не унижаем труда гг. Ваненко и Бронницына. <...> Г-н Ваненко пишет сказки и русские, и малороссийские, и в тех и других обнаруживает талант рассказа. Жаль только, что он слишком иногда подражает Луганскому...» [Белинский 1953, 509].

Фольклоризм творчества И. И. Башмакова можно отнести к «наивному фольклоризму» [Ковалева]. На это указывают многие элементы его произведений, прежде всего использование сюжетов сказок, преданий. Он вводил в тексты пословицы, поговорки, присловья как своеобразные иллюстрации речи персонажей и самого рассказчика, а главное, его шутивно-балагурного стиля. В некоторых случаях он обозначает свои произведения как «россказни». Словари дают такое толкование слова: «...россказни — это сведения, не внушающие доверия; небылицы, выдумки, измышления», или: «...россказни, — ей, мн. разг. Рассказ, не внушающий доверия,

выдумка» [Ушаков]. Синонимы к слову «рассказни» — байка, небывальщина, небыллица, небыл, побасенка, разговор, сказка, сказ. Жанр «рассказней» способствует предельной концентрации внимания читателей/слушателей на сюжетных перипетиях, передающих дидактические аспекты. Автор в этих произведениях предстает перед читателем в роли рассказчика-балагура, чем подчеркивается как бы изначально устный характер исполнения. Этот стиль несколько отличается от сказового стиля повествования. Рассказчик-балагур становится типологически близким к сказочнику, который своими «сказками-рассказнями» развлекает массового читателя/слушателя. Образ рассказчика был довольно известен и популярен в литературе XVIII — первой половины XIX в. И. И. Башмаков, как и многие писатели из народа, создает такой текст, который можно отнести к «письменному фольклору» [Неклюдов 1995,], т. е. к текстам «третьей культуры» [Поздеев 2002].

Свои «рассказни» И. И. Башмаков довольно часто писал на сюжеты народных сказок. Так, обращаясь к «славянскому сказочному миру», И. И. Башмаков создает сказки «Нет худа без добра», «Как мужичек Ермил своей смышленостью барина удивил», «Ладно ли в ладу жить», «Сказка и смирном муже, злой жене и дедушке Вихоре». В рассказях о солдате Яшке автор вводит несколько сюжетов народных сказок, например, Яшка заставляет старуху варить топор (чтобы что-то стащить), а из зубца бороны похлебку варит и др. Сказочные сюжеты писатель интерпретирует по-своему: что-то изменяет, как в сюжете о топоре, что-то добавляет, т. е. его тексты — это не стилизация, а создание новой сказки на базе известного сюжета.

В 1863 г. И. И. Башмаков публикует «Серое горе. Предание, рассказанное Иваном Ваненко. В трех частях». Писатель, на наш взгляд, намеренно не называет это произведение сказкой, а акцентирует внимание читателя на жанре «предания», который вбирает в себя народную «историю», «мудрость» и «достоверность». Этим названием он нацеливал читателей на этические проблемы современной ему жизни.

И. И. Башмаков применил такой же подход, как и в других своих «рассказнях»: он на свой лад интерпретирует сюжет сказки «Горе» (СУС АА*735 I «Горе»; Томпсон 735А (=332F) (К бедняку привязывается Горе и доводит его до разорения. Он запирает свое Горе и поправляется. Богатый брат из зависти выпускает Горе, но оно привязывается к нему же, а не к прежнему бедняку. — Аф. 303, 304; Эрл. 21; Онч. 249; Карн. 67; Купр. 5; Тамб. 23; Корг. 20; Печ. 67, Ур. жив. 150. — ВР II 99, стр. 420–422 [СУС 1979]). Можно отметить, что вариант сказки с названием «Серое горе» И. Ф. Каллиников записал в Орловской губернии в 1915 г. Сказка опубликована в сборнике «Сказки Орловской губернии» [Каллиников 2017].

С XVII в. образ Горя известен в народной традиции и зафиксирован в рукописной «Повести о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин». Народные варианты сказок и песен о Горе находим в сборниках М. Д. Чулкова, Н. И. Новикова, И. П. Сахарова, М. А. Стаховича, А. Н. Афанасьева. Это говорит о том, что сюжет «Горе» был достаточно популярен в XIX в. Образы Горя, Доли послужили для создания писателями вариаций этого сюжета. Т. Г. Иванова пишет о песне А. К. Толстого: «В 1856 г., когда “Современник” напечатал “Повесть...”, А. К. Толстой тоже сотрудничал в этом журнале; в апрельском номере “Русского вестника” за 1856 г. появилось стихотворение Толстого “Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньище”, и в этом же органе несколько позднее напечатана статья Ф. И. Буслаева “Повесть о Горе-Злочастии”. Все это косвенно может служить подтверждением мысли о знакомстве А. К. Толстого с “Повестью...”» [Иванова 1982, 294].

Можно предположить, что «Повесть...» и песни о Горе были известны И. И. Башмакову как в письменных, так и в устных вариантах. Вероятно, И. И. Башмаков под влиянием таких публикаций замыслил и создал свой вариант сюжета о «Горе». Автор философски рассуждает об общем человеческом горе-беде, которое обрушивается на все селение: «одинаковый страх, одинаковая беда, одинаковое горе для всех общее»¹, однако «после общего

¹ Здесь и далее в цитатах из текста Башмакова орфография источника сохранена, а пунктуация приведена к современной норме для удобства чтения. — *Ред.*

горя великого настает и общая радость неописанная!» [Башмаков 1863, II]. Рассуждая о горе, писатель приводит как бы его разновидности: «у каждого человека есть или бывает свое горе задушевное», или «горе одинокое», или бывает «горе мелкое, бывает горе крупное», чужое горе «не так близко к сердцу идет», а свое «до ретивого бывает доходчиво», бывает горе «переносливо и отходчиво» [Башмаков 1863, II–III].

Однако он дает свое толкование Горю, наделив его эпитетом «серое» — такое определение писатель также обосновывает во вступлении к преданию. И.И. Башмаков пытается раскрыть отличия «горя» и «серого горя»: «Серое Горе мудреное, про которое в предлагаемой истории речь идет; это, как сказывают — если только не лгут — есть особенное Горе человеческое, или лучше, пожалуй, не человеческое: — оно — Дивн-ище непостижимое, самовластное, упорное; и, видите, никакими способами его не сх-паешь, не скрутишь да не поедешь на нем, а оно тебя, пожалуй, уездит... И такое оно будто бы неотвязчивое, что упрямством, непокорством аль противностью избыть его — и думать не моги; а попробуй облить его горячей слезой — так еще хуже, пожа-луй, да тошнее себе наделаешь: еще сильнее от него сердце защемит и голова пойдет хо-денем...» [Там же, III].

Еще одна особенность стиля И.И. Баш-макова, которая вписывается в традицию писателей из народа, — это «псевдоука-зания» на источники: «Порасскажем про это так, как слышалось от людей давних, опытных; поглядим, что это такое за Горе Серое дивно-страшное, непостижное, — как, и зачем, и какими путями заходить оно в православный люд?.. Посмотрим, как это люди порою, говорят, будто бы и видали, и избывали его... Про все это в следующем за сим рассказе и значится... Бude в угоду, извольте прочесть, — для ва-шей милости эта правдивая история и пи-сана» [Там же].

Начало предания писатель локализует: «Где-то, когда-то, в одном селе, каких мно-го у нас на Руси-Матушке, жили были два родные брата...» [Там же, 5]. Централь-ными персонажами предстают, как и в на-родной сказке, два брата: старший Макар и младший Мирон. «Правдивость» исто-рии рассказчик подчеркивает тем, что у братьев есть отчество: «оба Миронычи».

Оба получили после смерти родителей имущество — «не то чтобы богатое, да не очень-таки бедное» [Там же]. Как от-мечал Ю.И. Юдин, «Главные герои сказок (о Горе. — *Авт.*) — богатый и бедный бра-тья — связаны традиционно со старшими и младшими братьями волшебной сказки. Но сказка бытовая резко подчеркивает момент социального и имущественно-го неравенства. Традиционные старший и младший братья волшебной сказки в большинстве вариантов вытесняются богатым и бедным без указания старшин-ства. Из тех ролей, которые играют в сказ-ке Горе и Доля, видно, что от них зависит счастье или несчастье в жизни богатого и бедного. Счастье и Горе (Несчастье) противопоставляются, и из стремлений к первому и опасений второго вытекают поступки героев» [Юдин 1998, 149–150].

В сказках И.И. Башмакова кроме ска-зочных имеется много бытовых элементов. Писатель не отходит от «реалистического» описания крестьянского мира: избы, кре-стьянских забот и работ, взаимодействия с работниками. В этот крестьянский мир вплетаются элементы городского быта. Так, когда Макар собрался жениться, то «купил себе самовар, чашки настоящие фарфоровые, хоть и косеньки они, а все не то что примерно фаянец простой; разводы на них повыведены разные узорчатые си-ние, — пусть и расплылись по краям, по-размазались, да зато с золотом они, цвету поварской кастрюли, только что вычищен-ной; и грамотный человек, как видно, посу-ду изукрашивал; на иной чашке, глядишь, и надпись сделана, — примерно такая: по-здравляю *соднемь андила, или в триязь люб-ве*; — словом, славная штука! — такая вещь, что и на большом в городе в ином месте не побрезгивали б. Ну там и другого прочего накупил Макар: китайки желтой лощеной, кумачу, такого красного, что, глядя на него, всякий индейский петух в азарт бы вошел; ну там и платочков разных с такими цве-тами, каких никогда и не рожала мать сыра земля» [Башмаков 1863, 10–11]. Для чита-телей такой вещный мир являлся знаком богатой городской жизни. После свадьбы Макар разделил с братом имущество «по-родственному», по принципу «род-племя близко, а свой рот ближе». Оставил брату «скобель да лопату, ухваты да горшки, да дырявые мешки». Как писал Ю.М. Лот-ман: «Быт — это обычное протекание

жизни в ее реально-практических формах; быт — это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение. <...> Обращаясь к истории быта, мы легко различаем в ней глубинные формы, связь которых с идеями, с интеллектуальным, нравственным, духовным развитием эпохи самоочевидна» [Лотман 1994, 10].

В главе «Сиротская свадьба» Мирон сватается к бедной Марье. В предании появляется старичок-странник Матюша, который поет духовный стих:

Лазарь ты Лазарь,
Убогий Лазарь!..
А где же твой брате,
Богатый Лазарь?..
[Башмаков 1863, 29].

И народную песню, в которой как бы пророчит будущую судьбу героя:

Женилась калина на калине;
Красивы б-то ягодки, да горьки!
Да солнышко Божьей благодатью,
Призрело, пригрело, возрастило —
Коло них, кусты часты зелены, —
На кусточках ягода — малина!..
Ветками калинушка качает,
Детушек от зною защищает!..
[Там же, 30–31].

Странник Матюша говорит меткими народными изречениями: про богатого брата Макара он говорит: «Ты сам себе хозяин, а им лукавый вертит...» или: «не увидевши горького, не увидишь и сладкого!..». С одной стороны, это подлинные деревенские народные песни, поговорки, духовный стих, и они показывают крепкую связь Мирона и Марьи с крестьянским миром. С другой — писатель подводит читателя к мысли о том, что эти герои принадлежат к истинному крестьянству, зависящему от земли, испытывающему все тяготы крестьянской жизни.

В повествовании появляется еще один «проходящий» персонаж — «пьяный парень» Прохор Михеич. Вид его напоминает кабацких друзей молодца из «Повести о Горе-Злочастии»: «...молодой парень, очень хмельной; он был одет в старый поношенный армяк, на котором сверкали продырявленные локти; на голове у него была старая издерганная шапка. Он едва стоял на ногах и выговаривал слова

с большим усилием» [Там же, 35]. Его песня с намеком:

Дуняша, не наша, Сенина!..
В осень будет Ванина —
Сама про то баяла, —
Что я буду Ванина,
Московского барина!..
[Там же, 36].

Этот персонаж бахвалится тем, что всем он говорит правду. Мирону он говорит, что тот зря женился на Марье, тем самым погубив ее.

Пьяный парень слышит Горе: «Чу!.. послушай! слышишь? — у тебя на печи в углу кто-то смеется тихим смехом!.. вот теперь, сейчас смеется!.. слышишь!» [Там же, 39]. Именно в его словах появляется упоминание о «сером горе», «напущенное» на Мирона работником старшего брата, который его обсчитал: «...денег ему не додал, да еще взашей вытолкал, — вот тот и посадил в вашу избу Серое Горе на отместку вам!.. Брат-то твой прочь удрал, а ты попал!..» [Там же]. Второй раз этот персонаж является в дом Мирона уже наниматься в работники, так хозяйство приносит прибыль.

В главе «Грустный пир» психологическое состояние старшего брата подчеркивает противопоставление двух братьев. Начинается с того, что речь идет об особом зеркале в доме Макара. «Зеркало у Макара в избе было еще великолепнее изукрашено, чем и у Трофима Федотыча; только стекло в нем такое мудреное, что на диво: казалось, в нем и одной роже Макаровой поместиться бы некуда, — а как взглянет он в это зеркало, то и увидит там четыре их, — и все маленькие, и все косые такие, что с непривычки скверно смотреть становится. Ну, конечно, кто пригляделся, так тому ничем это... Словом, стал такой молодец, что и в сказку его не упрячешь — краше известного бойца-удальца — Алеши Поповича» [Там же, 43–44].

И.И. Башмаков, чтобы подчеркнуть неравенство братьев, обращается к противопоставлению дел и забот Макара, с одной стороны, и Мирона с Марьей — с другой. Последние изо всех сил стараются, работают, но так и не могут выбиться из нищеты. «Раз в праздник (уж более полугода после их свадьбы прошло) сидят

они оба в избе своей и посматривают на улицу. А там люди веселятся. Собрались это — бабье молодое, девки и парни; хоро- воды водят, распевают про *Дунай Ивановича* (курсив И. И. Башмакова. — *Авт.*); пляшут, смеются — все там радостно так» [Там же, 35]. Упоминание двух героев русского эпоса (Алеши Поповича и Дуная Ивановича) подтверждает мысль о том, что И. И. Башмаков был достаточно осведомлен в русском фольклоре.

После того как на пиру у Макара Мирон и Марья были незаслуженно обижены (их не позвали к столу, они сидели в углу): «Агафья как будто пожалела, вспомнила: сказала что-то Акульке своей, и та подала нашим сердягам на деревянной тарелке два куска пирога какого-то да поднесла ковш браги, только не той, что стояла на столе перед гостями, а что особенно налита была, чтобы прислугу угощать свою, если это после пиру требуется» [Там же, 52].

И. И. Башмаков постепенно подводит Мирона к пониманию, что такое «серое горе». Прохор не только прямо говорит о горе, но и Марья вспоминает старую песню про горе, «которую певала у нас одна старушка очень старенькая... В этой песне как-то чудно рассказывается про горе, что беспрестанно человека в жизни мучает... Хочешь, я тебе спою ее?

Идет Горе, Горе Серое,
 Мочалами подпоясано!..
 — Я от Гора в зелены луга,
 За мной Горе со косой идет:
 «Скошу, стопчу зелены луга,
 Сыщу, найду красну девицу!»
 — Я от Гора во темны леса,
 За мной Горе с топором идет;
 «Срублю, сгублю все темны леса,
 Сыщу, найду красну девицу!»
 — Я от Гора во сине-море,
 За мной Горе быстрой шукою;
 «Выпью, вылью все сине-море.
 Сыщу, найду красну девицу!»
 — Я от Гора в монастырь святой, —
 Идет Горе по следам за мной!..
 — Я от Гора во постель слегла, —
 Пляжу — Горе в головах стоит!
 — Я от Гора во сыру землю, —
 Меня Горе зарывать идет...
 Зарыв, Горе похваляется:
 «Сжило с света красну девицу!..»
 Ты гинь, Горе окаянное!

Тебе нет здесь больше волюшки;
 Здесь сладкая горьким долюшка:
 В земле сырой вечный покой!
 [Там же, 56–57].

И. И. Башмаков в примечаниях уточняет, что «эта старинная, по-видимому, песня о Горе случайно выслушана и записана мной в 1846 г.» [Там же, 56].

Горе предстает в виде антропоморфного существа, которое преследует человека. «Торчит что-то мутно-серое, ростом в ко- сую сажень; стоит оно без ног, а все как будто припрыгивает; не видно, как пересту- пает, а двигается из стороны в сторону — и трясется, дрожит все с низу до верху не в примету у него никакого ни тела, ни обли- ка, а точно вот как бы на шесте каком одни лохмотья нацепленные болтаются; попереk Горе лыком перевязано...» [Там же, 59].

Мирон называет Серое Горе «наше кровное доморощенное», «Горе истин- ное», а оно говорит: «...исполню ваше же- лание, докажу вам, что я и гибко и уютно быть могу, если куда надо мне запрятать- ся — не позабудьте тогда мне в ноги кла- няться!..» [Там же, 60, 61].

Интересна локализация Гора в доме. Оно помещается то на печи, то на полатах, то на шестке, то на загнетке, в сундуке, од- нако чаще всего оно лежит у супругов под подушкой.

Писатель развивает сказочный мотив «ловли Гора в какой-то предмет». Так, Мирон как бы усомнился в том, что Горе огромное, а умещается под подушкой, и предложил уместиться в кувшине. Ког- да Горе влезло в кувшин, Мирон заткнул кувшин и бросил в воду у мельницы. Ю. И. Юдин подчеркивает: «Горе можно уловить в какой-то замкнутый объем. Так, мужик заманивает Нужду в карман и пе- ревязывает карман ниткой, заколачива- ет в гробик, заманивает в кошелек (Онч. 249); запирает в сундук (Аф. 304); остав- ляет в земляной яме и заваливает ее кам- нем; забивает клиньями во втулке колеса (Аф. 303); завязывает в корчаге жениным сарафаном (Аф., прим. 574); сажает в ко- былью голову (Эрл. 21); забивает в ступи- це и завязывает в сумке (Тамб. 23); зако- лачивает в гробу (Леон. 67). После этого Горе зарывают в землю или топят; завя- занное в сумке несут в лес и вешают на дубу (Тамб. 23). Соответственно Горе мо- жет по своему усмотрению уменьшаться

в размерах и проникать в столь малые вместимости («я хоть в какую щель забьюсь», — Аф. 303)» [Юдин 1985, 15–16].

«Передача» Горя другому персонажу в сказках происходит после его освобождения из заключения богатым братом. В связи с этим можно вспомнить рассуждение С. Б. Адоньевой о прагматике фольклора: «...наличие доминантного фактора, здесь и теперь определяющего готовность человека совершить определенное действие, объясняет то, что воздействие одного и того же сигнала может вызвать различные ответные действия. Между стимулом и реакцией располагается сложно организованная «слой», структура которого, обусловленная предыдущим опытом, преобразует вектор внешнего воздействия по правилам внутреннего аккумулятивного опыта в другое, ответное, действие, которое напрямую не выводимо из стимула» [Адоньева 2004, 29–30].

Так, в предании Макар из зависти находит кувшин и выпускает Горе. Горе становится его преследователем, пока он не исправит свое отношение к младшему. Однако Башмаков несколько иначе трактует зависть богатого брата. В отличие от сказки, брат не хочет иметь еще большего богатства, а пытается вернуть Горе Миرونу. «А! — думал он, глядя на кувшин, — так, вот Мирон, где, ты говоришь, твоя беда сидит?.. ну, ладно! — ты от нее отделался, загордился, меня почесть не захотел?.. не захотел придти и рассказать, что ты богатеть начинаешь?.. Э!.. да этак ты и в грош после не будешь ставить меня! — а пожалуй, со временем, и в глаза ругать!.. Вот жена твоя, еще ничего не видя, уже смеет и слово в укор запустить... а! таков-то ты!.. А не знаешь, что теперь твое счастье и несчастье в руках у меня?.. Ну? что же? как ты думаешь теперь? — опять тебя в покорность привести, или дать тебе волю оставаться со счастьем, да за это ожидать от тебя себе покора да поругания?.. Нет, не так: на меня много людей, познатнее твоего тестя Трофима, смотрят с уважением; — а от тебя, мальчишки, я не намерен переносить ничего досадного... Да извини, брат Мирон, своя рубашка к телу ближе, — уж пропадай лучше ты!..» [Башмаков 1863, 127].

В главе «Борьба с Серым Горем» Макар, выпустив Серое Горе, думает, что оно вернется к Миرونу. Однако, как и в сказке, Горе пристает к старшему брату Макару.

С этого момента у Макара начинаются неприятности: утром к нему приходит «писарь из Волостного правления, ходатай по разным делам стряпческим: — то есть один из Ерихонцев, — как называл их покойный Державин Гавриил Романович, коли знаете (*)». В этом месте текста Башмаков показывает свою образованность, уточняя в сноске: «Г. Р. Державин называл подьячих Ерихонцами, что значит в книге: “Ключ к сочинениям Державина” — Ерихонцы, или Иерихонцы, происходят, вероятно, от слова Иерихон; — так назывался город неправых поселенцев в Обетованной Земле» [Там же, 146].

Автор использует литературный прием «рассказ в рассказе»: Макар услышал, как рассказывает сказку «хожалый» сказочник. В клеть, где остался ночевать Макар, зашли двое мужиков: Фома Фомич, любитель сказок, и его спутник. «Мне, знаешь, не в тягость такая трата; — да и тебе спасибо, — тебя и попотчивать есть за что: — первое, что с тобой в дороге весело, балагур ты большой; а другое, — что ты знаешь сказки замысловатые; а мне куда любви они. — Ну, а если бы ино место, и не замысловагую я тебе сказал бы сказку, Фома Фомич, а так, пустяшную себе, — ты бы не пенял на меня? — За что-ж пенять?.. я хоть сам сказок не рассказываю, и не помню их ни одной, а слушать люблю; — да и то понимаю, что не на каждый же день есть хорошая сказка, и не всегда она гладко рассказается...» [Там же, 173]. Писатель выступает как бы свидетелем того, какие ситуации бывали и как рассказывались сказки. Как отмечал А. И. Никифоров, «...несомненными носителями сказок были и остаются всевозможные богомольцы и нищие, в таком обилии прежде бродившие по разным святым местам. Репертуар легендарной сказки — излюбленная стихия именно этой группы сказочников» [Никифоров 2008, 43]. Мы не знаем, кто такие Фома Фомич и его спутник, но из контекста видно, что сказочник знает «сказки замысловатые», хотя и балагур. Также мы узнаем, что сказочник останавливается на ночлег и кормится за счет Фомы Фомича, поэтому рассказывание — это своеобразный промысел для него: «Мои сказки выслушиваешь; вот я почти весь путь перешел ничего за себя не платя; все ты за все отдавал — да еще и винцом и пивцом потчываешь» [Башмаков 1863, 173].

Сказочник рассказывает «Сказку о том, как мужичок у беса с батраком служил, и как он за то бесу насолил». В ней бес соблазняет во сне мужика на «дела лукавые», «опутывать дьявольскими тентами». Все действие сказки происходит во сне. Видится мужику, что обладатель высоких хором приглашает его к себе. Башмаков дает такой портрет: «...человек, — и точно, — хоть и не совсем барин какой, а все-таки одет, как изоправский человек барский: — платье на нем такое-ж, как он у таких-то видал: сзади висят фалдочки, а спереди полы вырезаны; и при часах он как видно: такие у него цепочки и печатки поразвешаны, так и блестят, — и усы у него что щетина торчат в об стороны, и глаза такие вострые и собой — хоть тонок, щедушен, — а прово-рен, вертляв, — не то что неошмыганный мужичек протряк» [Там же, 177]. В этом описании дается традиционная трактовка внешнего вида Беса, а также его действий, например, Бес прельщает мужичка богатством, чтобы тот согласился быть у него батраком. Однако в сказке мужичок избражен смекалистым: он согласился, но с уговором, «чтобы ничего меня не заставлять делать противу совести» [Там же, 181]. Бес думал, что запутает простака, мужичок же: «авось отделаюсь». Это своеобразное соревнование: Бес просит сосватать девицу, однако мужичок желает предстать перед девицей не просто «прощельгой, выжигой», а значительным человеком. Далее Бес ему предлагает быть купцом, подрядчиком, вскопать огород и посадить белены, чертополоху, чемерику, крапиву, лопуха; засорить чужое поле лебедой; поджечь чужой овин. На все предложения мужичок отвечает, что совестно это делать. Бес предлагает даже пить и ничего не делать, а только лежать. Мужик говорит: «да не приведи, Господи, врагу этого! — вымолвил, да и перекрестился при том» [Там же, 185]. Бес исчез, а мужичок проснулся.

Эта сказка была рассказана Макару в назидание. Он задумался: «...зачем срываю на других злобу свою, если сам во всем виноват?..» [Там же, 186]. В тексте

предания песня о чистоте речки и души, о той судьбе, которая выпала, — это своеобразный символ перерождения Макара. Конец песни, как бы заклиная, освобождает героя от Горя:

Из рощицы зеленая
Бежит речка студеная;
Бежит речка по камушкам,
Поит речка Муравушку! —
<...>
Не больно ты печалуйся,
На рок-судьбу не жалуйся:
Красою ты цветков малей.
Душою ты ручья светлей!
Взойдет заря румяная,
Придет пора желанная:
Твой суженый появится,
Лицом, умом понравится,
Сольетесь вы сердечками,
Что чистый ток со речками,
Помчитесь вы в синю даль...
Сгинь, Горе! Сгинь, Тоска-печаль!
[Там же, 225–227].

Автор завершает предание обращением к читателям/слушателям: «Теперь позвольте вас поблагодарить за то, что вы от меня эту правдивую историю всю выслушали!» [Там же, 233].

Многие магистральные тенденции фольклоризма произведений писателей первого ряда можно увидеть в произведениях писателей из народа. Так, в русской классике появляется фигура «рассказчика-балагура из народа», представляющая явную переключку с творчеством И. И. Башмакова.

Популярными у писателей из народа и «невзыскательных читателей» были нравственно-сатирические, псевдофольклорные произведения, нацеленные на «исправление» читательских нравов. Они продолжали традиции и народно-демократической сатиры XVII в., и литературы XVIII в. Хотя в «Сером горе» И. И. Башмакова нет той яркой народной заостренности изображения социальных пороков, но акцент делается на моральных и этических недостатках общества и пороках человека.

Источники и материалы

Башмаков 1863 — *Башмаков И. И. (Иван Ваненко)*. Серое горе. Предание, рассказанное Иваном Ваненко. 3 части. М., 1863.

Белинский 1953 — *Белинский В. Г.* «Русские сказки, рассказываемые Иваном Ваненко» (1838) и «Русские народные сказки, собранные Богданом Бронницким» (1838) // Белин-

ский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 506–511.

Каллиников 2017 — Сказки Орловской губернии: Из собрания сказок Иосифа Федоровича Каллиникова / Лит. обр. А. Воробьева. Орел: Изд. дом «Орлик», 2017.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский и др. Л.: Наука, 1979.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=66843> (дата обращения: 22.05.2020).

Исследования

Адоньева 2004 — *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: ЗАО ТИД «Амфора», 2004.

Иванова 1982 — *Иванова Т. Г. А. К. Толстой //* Русская литература и фольклор: (Вторая половина XIX в.). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1982. С. 286–321.

Ковалева — *Ковалева Р. М.* Восточнославянский фольклор и литература: типология фольклоризма // Электронная библиотека БГУ. URL: <http://elibr.bsu.by/handle/123456789/37113> (дата обращения: 22.05.2020).

Корепова 2012 — *Корепова К. Е.* Русская лубочная сказка. М.: ФОРУМ, 2012.

Костюхин 1994 — *Костюхин Е. А.* Литература и судьбы фольклора // Живая старина. 1994. № 2. С. 5–7.

Лазарева 1989 — *Лазарева Е. М.* Башмаков И. И. // Русские писатели 1800–1917: Био-

графический словарь. Т. 1 (А — Г). М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 189.

Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994.

Лотман 1997 — *Лотман Ю. М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство-СПБ, 1997. С. 817–826.

Неклюдов 1994 — *Неклюдов С. Ю.* О слове устном и книжном // Живая старина. 1994. № 2. С. 2–3.

Неклюдов 1995 — *Неклюдов С. Ю.* После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.

Никифоров 2008 — *Никифоров А. И.* Сказка и сказочник / Сост., вступ. ст. Е. А. Костюхина. М.: ОГИ, 2008.

Поздеев — *Поздеев В. А.* Фольклор и литература в контексте «третьей культуры». М.: МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2002.

Поздеев, Чжан 2017 — *Поздеев В. А., Чжан Х.* Жанрово-стилевые заимствования из фольклора в прозе «писателей из народа» 1830-х годов (А. Орлов, Ф. Кузмичев) // Традиционная культура. 2017. № 2 (66). С. 93–101.

Пропп 1997 — *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. 2-е изд. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1997.

Юдин 1985 — *Юдин Ю. И.* Фантастические образы русской бытовой сказки // Советская этнография. 1985. № 1. С. 14–25.

Юдин 1998 — *Юдин Ю. И.* Русская народная бытовая сказка. М.: Академия, 1998.

© В. А. Поздеев, К. А. Усатов, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Поздеев В. А. <https://orcid.org/0000-0002-2880-8162>

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета: Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36; тел.: +7 (8332) 742-889; e-mail: slavapozd@yandex.ru

Усатов К. А. <https://orcid.org/0000-0001-8511-8240>

Аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета: Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36; тел.: +7 (8332) 742-889; e-mail: usatovkonstantin@yandex.ru

Folklorism in Works of I. I. Bashmakov (Ivan Ivanenko): The Interpretation of Fairytale Plots

Vyacheslav A. Pozdeev
Konstantin A. Usatov

(Vyatka State University: 36, Moskovskaya str., Kirov, 610000, Russian Federation)

Summary. *The article considers the special nature of fairytale “folk literature” of the middle of the nineteenth century in the context of the “third culture.” I. I. Bashmakov (Ivan Vanenko) may be described as a writer from the people or as a representative of mass culture, which undeniably affected his interpretation of folktales. The issue of Bashmakov’s folklorism as a writer of the people has not yet been specifically considered by scholars. This problem is only mentioned in a few works, and then only in the most general theoretical terms. The purpose of this article is to identify the specific features of Bashmakov’s interpretation of folkloric plots, in particular that of “Grief,” as well as his use of other folklore elements.*

*In 1863, Bashmakov published “Gray Grief. The legend Told by Ivan Ivanenko. In three parts.” The plot is a variant of the plot AA*735 I “Grief” and also includes the “inserted plot” of the fairytale about the demon and the man. One of the elements of folklorism in Bashmakov’s work is the author’s appeal to folklore genres: legends, fairytales, “tales,” the use of their plots and compositional construction, and the image of heroes in the context of the folk “balagur” tradition, so his works may be attributed to the “third culture.”*

Key words: the “third culture”, a literary fairy tale, I. I. Bashmakov (Ivan Vanenko), the plot AA*735 I “Grief”.

Received: May 28, 2020.

Date of publication: September 25, 2020.

For citation: Pozdeev V. A., Usatov K. A. Folklorism in Works of I. I. Bashmakov (Ivan Ivanenko): The Interpretation of Fairytale Plots. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 3. Pp. 73–83. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.006>

References

- Adonyeva S. B.** (2004) Pragmatika fol’klora [The Pragmatics of Folklore]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; Amfora. In Russian.
- Ivanova T. V.** (1982) A. K. Tolstoi [A. K. Tolstoy]. In: *Russkaya literatura i fol’klor (Vtoraya polovina XIX v.)* [Russian Literature and Folklore (The Second Half of the 19th Century)]. Leningrad: Nauka. In Russian.
- Korepova K. E.** (2012) *Russkaya lubochnaya skazka* [The Russian Lubok Fairytale]. Moscow: FORUM. In Russian.
- Kostyukhin E. A.** (1994) *Literatura i sud’by fol’klora* [Literature and the Fate of Folklore]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 1994. No. 2. Pp. 5–7. In Russian.
- Kovaleva R. M.** *Vostochnoslavyanskii fol’klor i literatura: tipologiya fol’klorizma* [East Slavic Folklore and Literature: A Typology of Folklorism]. In: *Elektronnaya biblioteka BGU* [BSU Electronic Library]. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/37113> (retrieved: 22.05.2020). In Russian.
- Lazareva E. M.** (1989) Bashmakov I. I. [Bashmakov I. I.]. In: *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar’* [Russian Writers, 1800–1917: Biographical Dictionary]. Vol. 1 (A — G). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. P. 189. In Russian.
- Lotman Yu. M.** (1994) *Besedy o russkoi kul’ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations About Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (18th — Beginning of the 19th Century)]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. In Russian.
- Lotman Yu. M.** (1997) *Massovaya literatura kak istoriko-kul’turnaya problema* [Mass Literature as a Historical and Cultural Problem]. In: Lotman Yu. M. *O russkoi literature. Stat’i i issledovaniya (1958–1993)* [About Russian Literature: Articles and Research]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. Pp. 817–826. In Russian.
- Neklyudov S. Yu.** (1994) *O slove ustnom i knizhnom* [About the Spoken and Printed Word]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 1994. No. 2. Pp. 2–3. In Russian.
- Neklyudov S. Yu.** (1995) *Posle fol’klora* [After Folklore]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 1995. No. Pp. 2–4. In Russian.
- Nikiforov A. I.** (2008) *Skazka i skazochnik* [Fairytale and Storyteller]. Moscow: OGI. In Russian.
- Pozdeev V. A., Zhang H.** (2017) *Zhanrovo-stilevye zaimstvovaniya iz fol’klora v proze “pisatelei iz naroda” 1830-kh godov* (A. Orlov, F. Kuzmichev) [Genre and Style Borrowing from Folklore in the Prose of “Writers from the People” in the 1830s (A. Orlov, F. Kuzmichev)]. *Traditsionnaya*

kul'tura [Traditional Culture]. 2017. No. 2 (66). Pp. 93–101. In Russian.

Pozdeev V. A. (2002) Fol'klor i literatura v kontekste "tre'tei kul'tury" [Folklore and Literature in the Context of the "Third Culture"]. Moscow: MGOPU im. M. A. Sholokhova. In Russian.

Propp V. Ya. (1997) Problemy komizma i sme-kha [Issues of the Comic and Laughter]. St. Petersburg: Aleteiya. In Russian.

Yudin Yu. I. (1985) Fantasticheskie obrazy russkoi bytovoi skazki [Fantastic Images of the Everyday Russian Fairytale]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1985. No. 1. Pp. 14–25. In Russian.

Yudin Yu. I. (1998) Russkaya narodnaya bytovaya skazka [The Everyday Russian Fairytale]. Moscow: Akademiya. In Russian.

© V. A. Pozdeev, K. A. Usatov, 2020

ABOUT THE AUTHORS

Vyacheslav A. Pozdeev <https://orcid.org/0000-0002-2880-8162>

E-mail: slavapozd@yandex.ru

Tel.: +7 (8332) 74-28-89

36, Moskovskaya str., Kirov, 610000, Russian Federation

DSc in Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methodology, Vyatka State University

Konstantin A. Usatov <https://orcid.org/0000-0001-8511-8240>

E-mail: usatovkonstantin@yandex.ru

Tel.: +7 (8332) 74-28-89

36, Moskovskaya str., Kirov, 610000, Russian Federation

PhD Candidate, Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methodology, Vyatka State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)